

«У НАС НЕТ КУЛАКОВ!»: крестьянство и политика «раскулачивания» в локальном измерении

В 1930 г. в СССР произошло 13 754 массовых выступлений сельского населения, из них 9 721 (70,6%) возникло «на почве коллективизации и раскулачивания»¹. Рост крестьянского протеста стал отмечаться уже с января 1930 г., когда в основных зерновых районах страны приступили к практическому осуществлению государственной политики ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. В Центрально-Черноземной обл. в январе 1930 г., согласно справке Информационного отдела ОГПУ, зафиксировано 23 выступления против коллективизации и 9 – против изъятия «антисоветского элемента»². Остановимся подробнее на одном из таких выступлений.

31 января 1930 г. заместитель полномочного представителя ОГПУ по Центрально-Черноземной обл. Гордон и начальник информационного отдела Зедин направили секретарю обкома партии И.М. Варейкису срочное секретное сообщение: «В с. Никольском Таловского района Борисоглебского округа на почве раскулачивания и коллективизации кулаком Барановым организовано массовое выступление населения. На место выехал начальник Окротдела ОГПУ со взводом из состава школы летчиков»³. Это выступление, привлекшее к себе внимание столь высокого начальства, до настоящего времени не нашло отражения в исторической литературе. Выявленные нами документальные материалы позволяют воссоздать всю картину событий в Никольском, установить причины крестьянского волнения и показать действия власти по усмирению жителей села. Следует учитывать, что сохранившиеся документы, в которых зафиксировано развитие крестьянского выступления, исходят от тех, кто по долгу службы призван был его подавлять. С поправкой на это обстоятельство они рисуют выразительную картину.

Расположенное в 20 км к западу от Таловой с. Никольское основано в 1831 г. переселенцами из Новой Чиглы и названо по построенной в 1865 г. Никольской церкви⁴. В январе 1930 г. в нем проживало около 4 тыс. человек и числилось более 600 домохозяев, из них бедняцких – 280, середняцких – около 300 и остальная часть зажиточные: «кулаки» и бывшие торговцы⁵. В селе имелось 12 машинных товариществ с 14 тракторами, но эти товарищества по решению местных организаций были распущены, а трактора у них изъятые и направлены в ремонтные тракторные мастерские, после чего в Никольском приступили к организации колхоза. Все село делилось на 11 так называемых «сотен». По всем сотням в январе проводились собрания; в 8 из них крестьяне приняли решения об организации колхозов, а в остальных отказались⁶. Судя по документам, в 1-й сотне с. Никольское собрания и лекции срывала каждый раз криком против коллективизации одна из местных женщин; некоторые жители сразу же уходили, а другие продолжали смеяться и критиковать власть и партию⁷. Секретарь партийной ячейки Алешников, выступая на таких собраниях, часто повторял: «Кто хочет, записывайся в колхоз, а кто не хочет, тот в Нарым»⁸.

Сельсовет с целью обобществления крестьянских хозяйств приступил к свозу инвентаря, поставил задачу немедленно обобществить продуктивный скот и распорядился организовывать семенной общественный фонд на основе подушной раскладки. Кулацкое хозяйство должно было вывезти 2 пуда 5 фунтов с каждого едока⁹. Это вызвало недовольство у крестьян. В такой неспокойной обстановке началось практическое выполнение местными руководителями директивных предписаний вышестоящих

* Тимошечкина Елена Михайловна, учитель истории средней общеобразовательной школы № 43 (Воронеж).

органов власти о немедленном проведении раскулачивания. В селе распространились слухи о готовящейся конфискации имущества, о выселении из домов и арестах некоторых односельчан. Возмущение жителей стало нарастать. 29 января в 6 час. вечера собравшаяся около дома крестьянина П.Г. Сырова группа женщин кричала: «Все равно мы выгонять из дома и отбирать имущество не дадим!»¹⁰.

Утром 30 января старший милиционер Таловского районного административного отделения Ляпин с ордером, выданным Борисоглебским окружным отделом ОГПУ на производство обыска и ареста, явился в дом к крестьянину А.П. Забегалину и предложил ему выдать добровольно огнестрельное оружие. В связи с отказом «от добровольной выдачи по причине неимения такового» милиционер приступил к обыску и, ничего не обнаружив, составил об этом протокол¹¹. А в это время ко двору Забегалина прибежало около 300 жителей¹². Народ не дал арестовать односельчанина и не выпускал милиционера из дома, угрожая ему. Сам же Забегалин, потрепав Ляпина по плечу, сказал ему: «Не бойся, товарищ милиционер, тебя не тронут», а затем обратился к толпе: «Граждане, дайте дорогу товарищу милиционеру» и, расписавшись на ордере ОГПУ, возвратил его милиционеру. Толпа тут же быстро расступилась, и тот свободно прошел¹³.

После убийства сотрудника милиции крестьяне кинулись к дворам других «кулаков» и также не давали арестовывать их. На двор П.Г. Сырова прибежало около 100 человек. «Не дадим арестовывать Прохора Григорьевича, он не кулак!»¹⁴, «Мы не дадим Сыровых, грудью отстоим!»¹⁵, – кричали они. Раздавались призывы: «Не надо нам колхозов!»¹⁶, «Пойдем к “Кусту” и давайте его разгромим!»¹⁷. И толпа, в большинстве своем состоявшая из женщин и молодежи, устремилась к правлению кустового объединения колхозов. Подойдя туда, люди возбужденно требовали: «Давай их сюда, бейте их, бандитов – грабителей!»¹⁸. В здании правления колхоза им. 12-летия Октября в это время находились члены правления и его председатель Григоревский, председатель сельсовета Митрофанов, секретарь ячейки ВКП(б) Алешников и заместитель секретаря райкома ВКП(б) И.Я. Рязанов¹⁹, только что прибывший в село вместе с уполномоченным ОГПУ и участковым милиционером²⁰. Услышав шум и крики, находившиеся в здании правления колхоза занавесили окна и заперли двери²¹. Подошедшая толпа, окружив здание, стала требовать от представителей райисполкома и местного руководства разъяснения, за что арестовывают их односельчан²². Слышались выкрики: «Давай местных работников!», «Представителей бей!». Однако закрывшиеся в помещении работники к народу не вышли. Набросившись на ворота и стуча в дверь здания, крестьяне кричали: «Все равно живых не оставим!»²³, «Дай нам на расправу Григоревского!»²⁴. Было уже 11 час. В это время на церкви забил набатный колокол. К сельсовету со всех сторон стали сбегаться люди. Прасковья Жукова, жена «средняка», члена сельсовета, держа в руках железные вилы, на бегу призывала: «Долой колхозы, сделаем свою свободу!»²⁵. К сельсовету отошла и толпа от правления колхоза. Воспользовавшись этим, Григоревский и Рязанов немедленно выехали на железнодорожный разъезд Тишанка, что в трех км от села, для сообщения о случившемся в районный центр. Вслед им неслось: «Догоняй, хоть одного возьмем!»²⁶, «Ура! Наша взяла!», «Бей их, коммунистов!»²⁷.

У сельсовета собралось не менее 1 тыс. человек. Звучали резкие высказывания в адрес власти: «Давай окружай коммунистов, бей их, чего на них смотреть, довольно им измываться над нами»; «Бей их, бандитов! Ограбили ведь они нас, выводи их сюда по одному, мы им покажем коллективизацию!». Крестьянин А.С. Поликарпов возмущался: «У нас нет кулаков, какие тут кулаки, когда все сидим без хлеба и скота. Пусть тогда берут всех нас, а то по одному они всех нас переарестуют и передргают, не надо давать ни одного, пусть всех берут!»²⁸. Другой крестьянин-«средняк» громко говорил находившимся возле него односельчанам: «Чего вы стоите и молчите, видите коммунисты и колхозники хвосты все поджали и спрятались. Надо их пойти и вытащить сюда, пусть они покажут нам, кто у нас кулаки и за что их хотят арестовать. Пусть коммунисты сами в колхоз войдут, а потом уже других соблазняют»²⁹. Простояв на площади еще некоторое время, народ стал расходиться по домам, и к 3 час. дня у сельсовета никого не осталось³⁰.

Когда Рязанов и Григоревский вернулись в село, там уже было тихо³¹. В тот же день в 16 час. начальник Таловского районного административного отделения М.П. Черенков получил телеграмму от Рязанова, отправленную с разъезда Тишанка, в которой сообщалось: «Здание колхозобъединения с. Никольского окружено толпой крестьянства, мы находимся запертые, оказывайте помощь»³². Черенков, сразу же известив об этом происшествии районный комитет партии и райколхозсоюз, сформировал наряд из 8-ми вооруженных милиционеров для выезда в Никольское. 6 милиционеров поехали из Таловой по железной дороге на разъезд Тишанка, а сам Черенков и старший милиционер Спорыхин поскакали верхом на лошадях и через 50 мин. уже были в Никольском. Туда же из райцентра отбыли уполномоченный окружкома ВКП(б) и окрисполкома Д.А. Яковлев, находившийся с 27 января в Таловой «для проверки и дачи практических указаний по мероприятиям весенней посевной кампании»³³, и вместе с ним председатель райколхозсоюза Н.З. Мехедов³⁴. К 7 час. вечера они были в селе³⁵.

По приезду в Никольское Яковлев, ознакомившись с создавшейся обстановкой, пришел к заключению, что выступление крестьянства «по существу было движением контрреволюционного содержания, возглавляемым местным кулачеством, и преследовало цель защиты кулачества»³⁶. В сельсовете имела ячейка ВКП(б) из 11 членов партии³⁷. Сразу же было проведено партийное собрание с участием прибывших представителей районной и окружной власти: Черепкова, Спорыхина, Яковлева, Мехедова, а также райуполномоченного ОГПУ Чернова, старшего инспектора окррозьиска Яненко. Решили все-таки арестовать «кулаков»³⁸, и сделать это «одним моментом»³⁹.

Представители власти разошлись по отдельным дворам, однако произвести аресты не удалось. Никто им двери не открыл, за исключением А.П. Забегалина. Но, когда Яненко и Спорыхин зашли к нему в дом, он вырвался от них во двор и закричал: «Караул – бандиты грабят!»⁴⁰. Моментально собралась толпа не менее 400 человек, и работники милиции вынуждены были уйти. Это происходило около 12 час. ночи. Односельчане не дали арестовать и других «кулаков», «окарауливая» их дворы⁴¹. В тех сотнях, где представители власти пытались производить аресты, поднялся женский крик: «Выходи на улицу, там расстреляли Забегалина Андрея и еще принимаются стрелять!»⁴², «Бери топоры и вилы и идемте бить коммунистов!»⁴³. 16-летняя Анна Кисурина бегала по соседям, крича им в окна: «Выходите все на улицу, убили дядю Андрию!»⁴⁴. А крестьяне С.А. Гусев и П.Н. Сторожев верхом на лошадях ездил по селу, свистом собирая народ⁴⁵. Крестьяне быстро выходили из домов и направлялись к площади, к сельсовету. Некоторые бегали по улицам с вилами, лопатами, палками в руках, призывая: «Бей их, сволочей!»⁴⁶. Вскоре со стороны 1-й, 2-й и 3-й сотен с криками: «Вставай и выходи на улицу, вооружайся вилами!»⁴⁷, «Долой коммунистов – бандитов!», «Бей их!» к сельсовету уже двигалась громадная масса людей⁴⁸. Чтобы упредить подход толпы к сельсовету, навстречу ей отправилась группа из 8–10 местных и приезжих «работников». Толпу решили задержать у пригорка, перед мостом через пруд. По льду пруда встала цепь милиционеров и местных партийцев. А Черенков и Мехедов пошли навстречу двигающейся толпе⁴⁹. Подойдя к ней вплотную, Мехедов стал убеждать крестьян, что они действуют незаконно, но его речь тонула в криках: «Долой!», «Бей, бандитов!», «Окружай!»⁵⁰. Один из местных жителей, держа железную лопату в руках, предлагал односельчанам: «Давайте их обходить, чего вы смотрите, разинули рты, уберите их, бандитов, с дороги!», а крестьянин В.Е. Рогов призывал: «Берите их дружнее, чего испужались?»⁵¹. Звеня вилами и лопатами, крестьяне стали окружать представителей власти. Чтобы не оказаться в кольце, те стали отходить к сельсовету⁵². А народ напирал и кричал им вслед: «Наша берет!», «Берите, хватайте их!»⁵³. К центру села все шли и шли жители, и уже не только из 1-й, 2-й и 3-й сотен⁵⁴. Со стороны 4-й и 7-й сотен двигалась масса людей с криками: «Отпирай скорее церковь и начинай звонить в набат, нужно прогнать милицию, которая приехала сюда грабить нас!»; «Вставай, идем бить всех коммунистов, милиционеров, они приехали нас грабить и вообще разорять!»⁵⁵.

Церковь была заперта на большой замок, так как за отсутствием священника служба в ней не совершалась. После дневного набата сельсовет принял меры для того, чтобы больше с церкви не раздалось колокольного звона. Веревку, тянувшуюся от языка колокола к церковной сторожке, отрезали, и теперь, чтобы ударить в набат, требовалось войти в церковь и подняться на колокольню. Несколько крестьян вскрыли ломами дверь⁵⁶, и П.К. Кисури, «середняк», проживавший в 9-й сотне, влез на колокольню и ударил в набат⁵⁷. У церкви собралось 600–800 человек⁵⁸. Преимущественно это были женщины и несовершеннолетняя молодежь. Минут через 15 толпа, «вооруженная камнями, палками, вилами, лопатами» с криками: «Бей, коммунистов, бандитов, долой грабителей и насильников, не дадим в обиду наших отцов и благодетелей!»⁵⁹, с церковной площади рванулась к правлению колхоза⁶⁰. Около правления их встретили милиционеры и местные партийцы, которые заняли позицию, рассыпавшись цепью⁶¹. Верхом возле цепи постоянно находились Черенков и Спорыхин. Ситуация становилась критической. Черенков сказал на ухо Яненко, что если люди будут подходить ближе и применять холодное или огнестрельное оружие, то придется, может быть, отступить – стрелять же в толпу он не разрешит, так как в ней преимущественно была беднота и малолетние⁶². А из толпы доносилось: «Нам не нужна Советская власть. Кулаков у нас нет, и мы их вам не выдадим. У нас все пролетарии. Если вы сейчас выселяете кулаков, то доберетесь и до нас – бедноты. Ни днем, ни ночью мы не видим покоя. Законы не постоянны и меняются по желанию коммунистов. Умрем, а в колхоз не пойдем, умирать один раз нам. Немедленно снимайте вывеску “Колхозного куста”. Бей, коммунистов. Ленин учил, что раз вопрос не назрел, его решать нельзя, а вы нас силой гоните в колхоз. Троцкий говорит, что у власти в СССР стоит буржуазия»⁶³.

В конце концов, Мехедов, Чернов и Яковлев вышли из цепи навстречу жителям, призывая их остановиться, близко не подходить и слушать, что им будут говорить⁶⁴. Но их слова перебивались стуком лопат, руганью, шумом, гиканьем и криками: «Бей их!», «Грабители!»⁶⁵, «Бей бандитов – коммунистов!», «У нас нет кулаков!». Когда крестьяне подошли почти вплотную, представители власти, предупредив, что за их головы придется отвечать сторицей, объявили, что в бедноту и середняков они стрелять не намерены, и уговаривали толпу не вынуждать их на этот последний шаг. Предлагая следующим утром на специальном собрании поговорить обо всем, они просили собравшихся разойтись по домам⁶⁶. Сдерживание толпы продолжалось до 3 час. ночи. Уговоры действовали на крестьян. Народ стал успокаиваться. Около 600 человек отступили к церковной ограде, а Мехедов, Чернов, Яковлев, Рязанов, подойдя к передним рядам оставшихся, еще в течение часа вели с ними беседу⁶⁷. И только к рассвету, к 5 час., взбунтовавшиеся крестьяне разошлись⁶⁸. После того, как площадь опустела, цепь милиционеров была снята Черенковым и весь милицкий наряд со своим начальником лег спать в стоявшем неподалеку от площади крестьянском доме. Туда же пришел и Мехедов⁶⁹.

Утром 31 января в Никольском снова раздался колокольный звон. Ударил в набат женщина из 10-й сотни по прозвищу Глазуниха⁷⁰. На площадь быстро стали собираться люди. Черенков, Мехедов и милиционеры, разбуженные набатным звоном, быстро вскочили и вышли на улицу. Увидев толпу, Черенков отправил милиционеров в здание правления колхоза, а сам с Мехедовым пошел к народу⁷¹. Крестьяне стали требовать от них открыть собрание граждан села. Мехедов поднялся на трибуну и предложил провести его в закрытом помещении, но с ним не согласились. Тогда он заявил, что этот сбор незаконный и потребовал удалить из толпы «кулаков», сказав, что только после этого он будет вести беседу или откроет митинг. На это из толпы кричали: «Нет их у нас! Не дадим!»⁷², «У нас в Никольске кулаков нет!». К этому времени подошли и другие ответственные работники. Когда же Мехедов начал зачитывать список жителей села, лишенных избирательного права, говорить ему не давали, со всех сторон неслись возгласы: «Это выдумка сельского совета»; «Они лишены избирательного права неверно, они раньше были батраками»; «Арестовывать в Никольском никого не дадим»⁷³. Мехедов пытался говорить, что волнуются крестьяне потому, что их настраивают на

это «кулаки», а в ответ слышал: «У нас нет кулаков! Все мы стали одинаковы и равны!»⁷⁴; «Снимай, ребята, его, тащи его вокруг, надо показать ему, бандиту, какие у нас тут кулаки!»⁷⁵. Объявив затем, что он принимает заявления от крестьян в сельсовете, председатель райколхозсоюза оставил трибуну и ушел в здание сельсовета⁷⁶. После продолжительного шума народ начал расходиться.

События в Никольском крайне обеспокоили окружное руководство. 31 января около 6 час. утра из Борисоглебска по железной дороге к Таловой и разъезду Тишанка отправился специальный состав. В нем выехали начальник окружного административного отдела Ерофеев, с ним инспектор уголовного розыска и 10 милиционеров, начальник окружного отдела ОГПУ Вейнберг с сотрудниками, комиссар авиашколы с 55-ю курсантами, членами партии. К 15 час. они прибыли в Никольское⁷⁷. В селе было спокойно. Представители власти пошли арестовывать «кулаков». А спустя полчаса по улице снова забегали жители, собираясь около церкви. В ответ на предложения разойтись толпа шумела: «Стреляй нас!»⁷⁸, после чего, как докладывал в областной административный отдел Ерофеев, ее пришлось разгонять «силой»⁷⁹. Но только когда подошел второй взвод красноармейцев, крестьяне разошлись⁸⁰. Село было взято под контроль военными и милицейскими патрулями. Для связи с руководством округа из Борисоглебска были вызваны 3 учебных самолета⁸¹. Аресты кулаков продолжились. Последний арест был произведен в 4 час. утра 1 февраля «без каких-либо волнений»⁸². Всего арестовали 18 жителей села⁸³. В 14 час. 1 февраля арестованных направили под конвоем на разъезд Тишанку, с ними следовали начальник ОГПУ Вейнберг и его сотрудники. В это же время в сельской избе-читальне было организовано собрание «бедноты» с участием представителей власти. В результате проведенной работы, как докладывал в окружной комитет ВКП(б) Черенков, «беднота» «созналась, что действительно они впали в ошибку, выполняя агитацию кулачества, направленную против мероприятий советской власти и партии»⁸⁴. Таким образом, уже 1 февраля в Никольском восстановился порядок, все красноармейцы покинули село. Сотрудники ОГПУ начали следствие, которое велось в чрезвычайном порядке. 27 февраля 1930 г. по постановлению «тройки» при полномочном представительстве ОГПУ по Центрально-Черноземному округу 10 никольских крестьян – И.П. Забегалин, Ф.А. Забегалин, Семен Васильевич Кисурин, Степан Васильевич Кисурин, И.Я. Кисурин, С.П. Сыров, К.П. Сыров, И.В. Тарелкин, К.И. Тарелкин, Г.П. Черенков, – были приговорены к расстрелу. Четверо сельчан – А.П. Забегалин, П.Г. Сыров, Ф.П. Сыров, В.П. Терентьев, – по постановлениям «тройки» от 27 и 28 февраля 1930 г. были приговорены к заключению в концлагерь сроком на 10 лет и один – Василий Семенович Кисурин – на 5 лет. Спустя 60 лет все эти граждане были реабилитированы как жертвы политических репрессий⁸⁵.

Символический характер выступления крестьян с. Никольское подчеркивается тем фактом, что оно началось 30 января 1930 г., в день принятия постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», определившего всю дальнейшую практическую деятельность в деревне местных органов власти. В этом выступлении ярко проявилась противоположность позиций по отношению к наиболее активной и предприимчивой части крестьянства со стороны государства и со стороны сельского населения. Для власти крепкий хозяин был потенциально опасным «контрреволюционным антисоветским элементом», а для трудового крестьянства – уважаемым односельчанином. Для усмирения вставших на защиту раскулачиваемых односельчан жителей с. Никольского власть использовала демонстрацию вооруженной силы, подкрепив ее жесточайшими репрессиями против так называемых «зачинщиков» выступления.

Примечания

¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Док-ты и мат-лы. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М, 2000. С. 787.

² Там же С. 320.

- ³ Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее – ГАОПИ ВО), ф. 2, оп. 1, д. 971, л. 116.
- ⁴ *Прохоров В.А.* Вся Воронежская земля: краткий историко-топонимический словарь. Воронеж, 1973. С. 195.
- ⁵ Государственный архив Воронежской области (далее – ГА ВО), ф. р-1988, оп. 1, д. 109, л. 15 об.
- ⁶ Там же. л. 15об.–16.
- ⁷ ГАОПИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. п-8204, л. 62 об.
- ⁸ ГА ВО, ф. р-1988, оп. 1, д. 109, л. 16.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ ГАОПИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. п-18204, л. 46.
- ¹¹ Там же, л. 165–166.
- ¹² Там же, л. 68.
- ¹³ ГА ВО, ф. р-1988, оп. 1, д. 109, л. 15 об.
- ¹⁴ ГАОПИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. п-18204, л. 30.
- ¹⁵ Там же, л. 62.
- ¹⁶ Там же, л. 42.
- ¹⁷ Там же, л. 48.
- ¹⁸ Там же, л. 34.
- ¹⁹ Там же, л. 6.
- ²⁰ Там же, л. 11–12.
- ²¹ Там же, л. 6.
- ²² ГА ВО, ф. р-1988, оп. 1, д. 136, л. 18 об.
- ²³ ГАОПИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. п-18204, л. 12.
- ²⁴ Там же, л. 6.
- ²⁵ Там же, л. 54.
- ²⁶ Там же, л. 12.
- ²⁷ Там же, л. 26 об.
- ²⁸ Там же, л. 50.
- ²⁹ Там же, л. 50 об.
- ³⁰ ГА ВО, ф. р-1988, оп. 1, д. 136, л. 18 об.
- ³¹ ГАОПИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. п-18204, л. 12.
- ³² ГА ВО, ф. р-33, оп. 1, д. 136, л. 18.
- ³³ ГАОПИ ВО, ф. 37, оп. 1, д. 351, л. 81.
- ³⁴ ГАОПИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. п-8204, л. 2–3.
- ³⁵ Там же, л. 8.
- ³⁶ Там же, л. 3.
- ³⁷ ГА ВО, ф. Р-1988, оп. 1, д. 109, л. 16.
- ³⁸ Там же, д. 136, л. 18 об.
- ³⁹ ГАОПИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. п-18204, л. 68.
- ⁴⁰ ГА ВО, ф. р-1988, оп. 1, д. 136, л. 18 об.
- ⁴¹ ГАОПИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. п-18204, л. 68.
- ⁴² Там же, л. 52.
- ⁴³ Там же, л. 39.
- ⁴⁴ Там же, л. 62.
- ⁴⁵ Там же, л. 68 об.
- ⁴⁶ Там же, л. 48.
- ⁴⁷ Там же, л. 39.
- ⁴⁸ Там же, л. 68.
- ⁴⁹ ГА ВО, ф. р-1988, оп. 1, д. 136, л. 18 об.
- ⁵⁰ ГАОПИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. п-18204, л. 8–8 об.
- ⁵¹ Там же, л. 62 об.
- ⁵² ГА ВО, ф. р-1988, оп. 1, д. 136, л. 18 об.
- ⁵³ ГАОПИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. п-18204, л. 62 об.
- ⁵⁴ Там же, л. 8 об.
- ⁵⁵ Там же, л. 58.
- ⁵⁶ ГА ВО, ф. р-1988, оп. 1, д. 109, л. 15.
- ⁵⁷ ГАОПИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. п-18204, л. 19 об.
- ⁵⁸ Там же, л. 8 об.

- ⁵⁹ Там же, л. 3 об.
⁶⁰ Там же, л. 12 об.
⁶¹ ГА ВО, ф. р-1988, оп. 1, д. 136, л. 18 об.–19.
⁶² Там же, л. 19.
⁶³ Там же, д. 109, л. 15.
⁶⁴ ГАОПИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. п-18204, л. 3 об.
⁶⁵ Там же, л. 8 об.
⁶⁶ Там же, л. 3 об.
⁶⁷ Там же, л. 12 об.
⁶⁸ ГА ВО, ф. р-1988, оп. 1, д. 109, л. 15 об.
⁶⁹ Там же, д. 136, л. 19.
⁷⁰ ГА ВО, ф. 9353, оп. 2, д. п-18204, л. 19 об.
⁷¹ ГА ВО, ф. К11988, оп. 1, д. 136, л. 19.
⁷² ГАОПИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. п-18204, д. 8 об.
⁷³ ГА ВО, ф. р-1988, оп. 1, д. 136, л. 19 об.
⁷⁴ ГАОПИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. п-18204, л. 20.
⁷⁵ Там же, л. 50 об.
⁷⁶ Там же, л. 8 об.
⁷⁷ ГАОПИ ВО, ф. р-1988, оп. 1, д. 109, л. 15 об.
⁷⁸ Там же, д. 136, л. 19 об.
⁷⁹ Там же, д. 109, л. 15 об.
⁸⁰ Там же, д. 136, л. 19 об.
⁸¹ Там же, д. 109, л. 15 об.
⁸² Там же, д. 136, л. 19 об.
⁸³ Там же, д. 109, л. 15 об.
⁸⁴ Там же, д. 136, л. 19 об.
⁸⁵ ГАОПИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. п-18204, л. 246–258.

© 2010 г. М.А. БЕЗНИН, Т.М. ДИМОНИ*

СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ВЕРХУШКИ КОЛХОЗНО- СОВХОЗНЫХ УПРАВЛЕНЦЕВ В РОССИИ 1930–1980-х годов

Основной период раскрестьянивания и формирования новых социальных групп российского села охватывает шестидесятилетие 1930–1980-х гг. Этот процесс экономически детерминирован и связан с победой аграрного капитализма в российской деревне¹. На наш взгляд, раскрестьянивание – достаточно типичное для мировой истории явление – в России произошло в специфических условиях государственной капитализации. Очень специфичным для России было и новое социальное структурирование сельскохозяйственного населения, приходившее на смену социальному устройству аграрного общества.

Понимание нарастающей социальной дифференциации советского общества в западной науке сложилось еще в 1930-е гг. Зарубежные исследователи особенно настойчиво подчеркивали складывание в советском обществе «государственной буржуазии» – слоя «управляющих», связанного с концентрацией распределительных функций, командованием средствами производства². В частности Д. Бернхем считал, что власть в России уже в 1940-е гг. перешла к менеджерам, ибо тот, кто контролирует производство, тот и собственник; причем он указывал, что именно с России начинается «мировая

* **Безнин Михаил Алексеевич**, доктор исторических наук, профессор Вологодского государственного педагогического университета.

Димони Татьяна Михайловна, доктор исторических наук, профессор Вологодского государственного педагогического университета.